

Макарий Булгаков

История русской церкви

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М15

М15 **Макарий Булгаков**
История русской церкви: Том 3 / Макарий Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 224 с.

ISBN 978-5-4241-1671-1

Перед нами многотомное издание "Истории Русской Церкви", осуществляемое Русской Православной Церковью при финансовой и организационной поддержке Правительства Москвы в ознаменование 850-летия основания столицы нашего государства. Впервые в этом столетии делается попытка дать последовательное и подробное освещение исторического пути Православия на Руси от времен апостола Андрея Первозванного до наших дней.

Ясно, что такая задача сопряжена со многими научными трудностями, которые и призван преодолеть специально созданный коллектив из церковных и светских ученых. Вся научно-редакционная и издательская работа над "Историей Русской Церкви" ведется на базе Издательства Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, уже известного читателям своими книгами по истории Церкви.

В основу настоящего издания положена тринадцатитомная "История Русской Церкви" высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского, выдающегося церковного ученого XIX века.

ISBN 978-5-4241-1671-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Макарий Булгаков, 2021

Макарий Митрополит
(Булгаков)
История русской церкви
Том 3.
Состояние Русской Церкви от
митрополита Климента
Смолятича до начала второго
периода, или до митрополита
Кирилла II (1147-1240)

Вступление

Если знаменательно было избрание и возведение на митрополитский престол Илариона Собором русских епископов при великом князе Ярославле, то еще более знаменательным должно назвать подобное же избрание Климента, случившееся во дни великого князя Изяслава II. Тогда все совершилось спокойно: не видно, чтобы кто-либо из епископов, бывших на Соборе, воспротивился воле князя и назвал избрание Илариона незаконным; не видно, чтобы новоизбранный митрополит не захотел подчинить себя власти Константинопольского патриарха или последний не согласился признать Илариона в сане первосвященителя Русской Церкви; не видно, наконец, чтобы такое избрание первосвященителя имело какие-либо последствия в Русской Церкви, произвело в ней какие-либо перемены. Событие произошло тихо и без всякой борьбы, может быть, оттого, что, с одной стороны, русские по недавности своего обращения к вере еще не привыкли считать необходимостью избрание и поставление своего митрополита Константинопольским патриархом, а с другой — Константинопольские патриархи еще окончательно не решили, как смотреть на Русскую Церковь и не предоставить ли ей самой согласно с древними канонами права избирать для себя первосвященителя.

Теперь, когда со времени основания Русской Церкви протекло уже более полутораста лет, когда избрание и поставление русских митрополитов в Константинополе освятилось обычаем, теперь видим совсем другое. На Соборе, который созвал великий князь Изяслав для избрания и поставления митрополита Климента без сношения с Константинопольским патриархом, нашлись епископы, которые назвали такой поступок незаконным и не соглашались участвовать в нем. Константинопольский патриарх, узнавший о возведении Климента на кафедру митрополии русской, не хотел признать его в этом сане. Сам Климент считал себя независимым от патриарха и в продолжение девяти лет своего папства вовсе не поминал его при богослужении в молитвах. Некоторые из епископов русских не захотели подчиниться Клименту как первосвященителю до самой его кончины. Некоторые даже из князей не соглашались признать его законным архипастырем и просили себе митрополита от Константинопольского патриарха. Видимо, происходила борьба двух начал, продолжавшаяся около двадцати лет (1147-1164): начала византийского, которое стремилось к тому, чтобы удержать за Константинопольским патриархом полную власть над Русскою Церковью, и начала русского, помогавшегося независимости Русской Церкви от патриарха или, по крайней мере, того, чтобы он без предварительного согласия русского великого князя не избирал и не присылал к нам митрополитов. Византийское начало на этот раз превозмогло, и еще около ста лет Русская Церковь оставалась по-прежнему в совершенной зависимости от Константинопольского патриарха.

В гражданском отношении у нас продолжался так называемый период удельный с его кровавыми междоусобиями, с набегами диких половцев и других соседственных народов, с грабежами и опустошениями, от которых едва ли даже не более чем прежде страдали не только православные жители России, но и храмы Божии и святые обители: самый Киев и его лучшие церкви и монастыри были разорены двукратно. Но, с другой стороны, у нас совершилась тогда в

гражданском быту весьма важная перемена, начался новый порядок вещей. Древний первопрестольный град Киев, мать градов русских, и великое княжение Киевское, самое главное и могущественное из русских княжений, потеряли свое политическое значение. Взамен того на севере России по державной воле Андрея Боголюбского возникла новая столица — Владимир на Клязьме и образовалось новое великое княжение Владимирское, которое вскоре возвысилось и над Киевским, и над всеми прочими. Жизнь русская прилила с юга на север и начала быстро развиваться здесь. Эта гражданская перемена осталась не без влияния и на церковные дела. Андрей Боголюбский пытался открыть в своей новой столице новую митрополию, отдельную от Киевской. Один из Владимирских епископов, поставленный непосредственно Константинопольским патриархом, не хотел признать над собою власти Киевского митрополита. Во Владимире, Боголюбове и других местах великого княжения Владимирского воздвигнуты новые великолепные храмы, явились новые обители. Наконец, вся Россия, и северная и южная, а вместе с нею и Русская Церковь подверглись страшному нашествию монголов (1223-1240).

Усилия пап подчинить себе Русскую Церковь в настоящий период не только не уменьшились, но, кажется, даже увеличились: по крайней мере, известно гораздо более попыток в этом роде, хотя по-прежнему остававшихся без успеха. Только в двух местах России обстоятельства несколько благоприятствовали латинянам: на юге, где область Галицкая к концу XII и в начале XIII в. подпадала владычеству венгров и где открылось было явное гонение на православных от ревнителей папства, и на севере — в Ливонии, где около того же времени поселились и утвердились меченосцы и начали обращать к римской вере коренных обитателей страны, дотоль плативших дань полоцкому князю, и мало-помалу изглаждать следы русского владычества и православия.

Глава I.

Иерархия и паства.

В 1146 г. переяславский князь Изяслав Мстиславич, приглашенный киевлянами на великокняжеский престол, торжественно вступил в свою новую столицу. Здесь встретили его с радостью бесчисленное множество народа и все духовенство города в церковных облачениях — игумены, священники и черноризцы, но не было во главе духовенства митрополита (Михаила II), который, еще в предшествовавшем году удалившись в Константинополь, оставался там по неизвестной причине [*1]. Получив вскоре весть о кончине митрополита, великий князь Изяслав решился поступить по примеру достопамятного предка своего Ярослава и в 1147 г. собрал в Киеве Собор русских епископов с тем, чтобы они сами, без сношения с Цареградским патриархом избрали и поставили для России первосвященителя. Как на достойного занять такое высокое место князь указал на Климента Смолятича, родом русина, черноризца и схимника, который подвизался в монастыре, находившемся в Зарубе, и был такой «книжник и философ», какого прежде в России не бывало [*2]. Но на Соборе обнаружилось несогласие мнений. Черниговский епископ Онуфрий сказал: «Я узнал, что епископам, собравшимся вместе, принадлежит власть (достойно) поставлять митрополита». На это Новгородский епископ Нифонт от лица некоторых других епископов отвечал: «Нет того в законе, чтобы митрополита ставить епископам без патриарха, но ставит патриарх митрополита», — и, обращаясь к Клименту, тут же находившемуся, прибавил: «Мы не станем тебе кланяться, не будем служить с тобою, потому что ты не взял благословения у св. Софии и от патриарха; если же исправиться, примешь благословение от патриарха, тогда и мы тебе поклонимся; мы взяли рукописание от митрополита Михаила, что не следует нам без митрополита служить у св. Софии» [*3]. Тогда Онуфрий снова сказал: «Я узнал, что нам достойно поставить митрополита; мы можем поставить его главою св. Климента, которая у нас находится, как ставят греки рукою св. Иоанна Предтечи». Последние слова указывали, вероятно, на какие-либо известные случаи, бывшие в Церкви Греческой, хотя и не замеченные летописями [*4], потому что иначе Онуфрий не осмелился бы с такою решительностью сослаться на этот пример Греции пред целым Собором епископов, между которыми находился и грек Мануил, и особенно потому, что епископы, обсудив предложение Онуфрия, действительно согласились с ним и в 27-й день июня поставили Климента Смолятича митрополитом русским главою святого Климента, папы Римского [*5].

Сколько же было всех епископов на этом Соборе, сколько согласилось на поставление Климента в митрополита, и сколько не согласилось? Древняя Киевская летопись свидетельствует, что на Соборе сошлись следующие семь архипастырей: Черниговский Онуфрий, Белгородский Феодор, Переяславский Евфимий, Юрьевский Дамиан, Владимирский Феодор, Новгородский Нифонт и Смоленский Мануил [*6]. Киевский Патерик в житии Нифонта Новгородского присовокупляет к этим семи еще двух: Иоакима Туровского и Косьму Полоцкого. Последнее число — девять — кажется более вероятным, потому что, несомненно, Изяслав «постави митрополита Клина, калугера, русина, особъ с шестью епископы» [*7]; следовательно, шесть согласился на поставление Климента. Но

столько же несомненно, что из семи епископов, поименованных в Киевской летописи, двое на это не согласились, именно: Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский, который потом постоянно скрывался от Климента, боясь его преследований [*8]. Следовательно, надобно допустить на Собор еще епископа, который согласился с пятью остальными на поставление Климента. Этим епископом и мог быть Иоаким Туровский, который незадолго пред тем по воле великого князя был приведен из Турова в Киев вместе с посадниками туровскими и действительно находился в Киеве во время Собора [*9]. А что касается до Косьмы Полоцкого, то, присутствовал ли он на Соборе или не присутствовал, во всяком случае, достоверно, что он держался стороны Нифонта Новгородского и Мануила Смоленского, потому что, как увидим, они только трое поспешили навстречу новому митрополиту, пришедшему из Греции на место Климента. Значит, если на Соборе присутствовали девять епископов, то две трети из них согласились с великим князем на поставление Климента митрополитом, а одна треть не согласилась.

Что расположило великого князя Изяслава поступить таким образом избрать для России митрополита без сношения с Цареградским патриархом? Древние летописи об этом ничего не говорят. Позднейшие писатели полагают, будто Изяслава могли расположить к тому междоусобия и волнения, бывшие в России и препятствовавшие послать кого-либо из России в Царьград для поставления в митрополита [*10], или замешательства, происходившие тогда на патриаршем престоле: так как патриарх Михаил Оксит в 1146 г. добровольно отказался от своей власти, преемник его Косьма Аттик вскоре после поставления низложен (26 февраля 1147 г.), а на место его избран Николай Музалон уже через девять месяцев [*11]. Но если бы Изяслав хотел по прежним примерам получить себе митрополита из Византии, то все эти кратковременные препятствия несколько бы ему не помешали: случалось, что не несколько месяцев, а несколько лет Россия оставалась без митрополита, ожидая прибытия его из Царьграда. Напротив, из всего хода тогдашних обстоятельств видно, что Изяслав не хотел просить себе митрополита от патриарха и домогался независимости от него Русской Церкви. На Соборе, который созвал Изяслав, была речь не о том, как поступить по случаю смерти митрополита и временных замешательств, происходивших тогда в России и на Цареградской кафедре, а прямо о том, имеют ли право русские епископы поставить сами для себя нового митрополита без сношения с патриархом. И когда Нифонт и другие восставали против этого, им не указали на бывшие тогда замешательства в России и в Цареградской Церкви. Когда Нифонт и другие требовали, чтобы Климент, по крайней мере, после избрания и поставления своего в России испросил себе благословение у Константинопольского патриарха, им не обещали, что это будет сделано. Напротив, Климент, действовавший согласно с волею великого князя Изяслава, до конца своего служения не обращался к патриарху за благословением, не сносился с ним: таково, значит, было твердое намерение великого князя и самого митрополита. Как же объяснить это событие? Едва ли не всего вероятнее будет догадка, что здесь выразилось только то, что давно уже чувствовали и понимали, не могли не чувствовать и не понимать и князя русские, и многие их подданные, выразилось сознание, что поставление русских митрополитов в Константинополе имеет большие неудобства для Русской Церкви и государства, что митрополиты-греки, часто не знавшие русского

языка, не в состоянии приносить для России столько пользы, сколько приносили бы митрополиты из русских, что постоянная присылка в Россию митрополитов-греков была не безобидна для русских иерархов и что, наконец, избрание для России митрополита в Константинополе, совершавшееся без участия русских князей, было оскорбительно для последних, тем более что давало повод царям греческим оказывать на Россию свое влияние [*12]. Неудивительно потому, если Изяслав нашел сочувствие себе и в самом Клименте митрополите, и во многих русских епископах.

Отчего же некоторые епископы не согласились с Изяславом? Мануил, епископ Смоленский, был грек: ему естественно было отстаивать преобладающее влияние Византии в Церкви Русской. Косьма, сделавшийся епископом Полоцким в 1143 г., также едва ли не был грек: его могли привести с собою из Константинополя князья полоцкие, жившие там в изгнании и только что возвратившиеся на родину в 1140 г. [*13] Нифонт, епископ Новгородский, был русский, родом киевлянин, постриженник Киево-Печерской обители [*14]; но он мог действовать по убеждению, хотя, разумеется, нельзя отвергать того же и в двух первых епископах; он отличался знанием церковных канонов и, вероятно, понимал 28 правило Халкидонского Собора о власти Константинопольских патриархов согласно с тем, как понимали тогда это правило в Греции, распространяя его силу на Русскую Церковь [*15]. А вместе Нифонт мог действовать и по приязни к грекам, которую мог приобрести во время своего пребывания в Греции, и особенно в Константинополе, о чем дают повод догадываться некоторые его ответы Кирику [*16]. Надобно сказать, что мысли Нифонта и его товарищей разделяли тогда в России и другие, как духовные, так и миряне. Привыкши считать Константинопольского патриарха главным блюстителем православия, а Константинополь — как бы столицей православия, привыкши видеть, как оттуда постоянно приходили к нам наши первосвятители, поставляемые самим патриархом, многие русские, естественно, не могли без предубеждения смотреть на попытку великого князя Изяслава и не признать ее опасною не только для Церкви отечественной, но и для государства. А потому Нифонт, с такою ревностью и постоянством противостоявший Изяславу и Клименту, естественно, должен был казаться для подобных людей не только ревнителем веры православной, но и поборником земли Русской, особенно когда огласилось, что сам патриарх присылал ему свои грамоты, в которых ублажал его и уподоблял святым за его подвиг [*17].

В числе лиц, державших сторону Нифонта, находился сильный в то время князь суздальский Георгий (Юрий) Долгорукий. Он, впрочем, сочувствовал Нифонту, может быть, не столько по убеждению, сколько по ненависти к великому князю Изяславу, которого считал совместником своим, похитителем великокняжеской власти, и с которым вел почти непрестанные войны. В 1148 г. Нифонт по желанию новгородцев ходил в Суздаль для заключения мира с суздальским князем, и Юрий принял Новгородского владыку с любовью, пригласил его освятить церковь святой Богородицы, отпустил с ним всех пленников, проводил его от себя с честью, хотя и не дал мира новгородцам. В следующем году Нифонт вызван был великим князем Изяславом и митрополитом Климентом за то, что не хотел поминать последнего в молитвах, и заключен в Киево-Печерском монастыре, но ненадолго, потому что в том же году Юрий овладел Киевом и отпустил Нифонта на его паству, а Климент принужден был удалиться во Владимир Во-

лынский вместе с великим князем. Недолго продолжалось и это: Изяслав снова вошел в Киев и привел с собою Климента, который и продолжал оставаться на митрополитской кафедре не только до смерти Изяслава (13 ноября 1154 г.), но и при преемнике его Ростиславе, пока не сделался великим князем киевским Юрий Долгорукий (20 марта 1155г.) [*18]. Тогда немедленно дано было знать в Константинополь, что в Киеве готовы принять нового митрополита от патриарха, а Климент был изгнан во Владимир Волынский вместе с детьми покойного Изяслава [*19]. Патриарх не замедлил избрать и поставить для России митрополитом Константина. Услышав об этом, Нифонт Новгородский спешил в Киев, чтобы встретить столь давно желанного первосвященителя, но, не дождавшись его, скончался (в апреле 1156 г.) и погребен в Киево-Печерской обители [*20].

Константин прибыл в Киев уже к концу 1156 г. и принят был с честью великим князем Юрием и двумя епископами, подобно Нифонту, поспешившими к нему навстречу, — Мануилом Смоленским и Косьмою Полоцким. Первым делом нового митрополита вместе с этими епископами было низложить или запретить всех, поставленных Климентом на священные степени, и предать проклятию скончавшегося князя Изяслава — до того простиралась нелюбовь к нему у греков. Вскоре, однако ж, Константин разрешил священнодействие священникам и диаконам, поставленным Климентом, принявши от них «рукописание на Клима» — вероятно письменное обязательство, что они не будут повиноваться Клименту [*21]. Непродолжительно было служение Церкви самого Константина: великий князь Юрий скончался (1157); преемник его Изяслав Давидович изгнан (1158) из Киева сыновьями покойного великого князя Изяслава Мстиславича, которые предложили престол киевский уже бывшему прежде великим князем дяде своему, Ростиславу смоленскому. Ростислав, поддавшись внушению епископа своего Мануила — грека, объявил племянникам, что он охотно принимает их предложение, но не согласен более признавать Климента митрополитом (хотя прежде признавал, во время первого своего княжения в Киеве), потому что Климент не принял благословения от патриарха. Один из племянников, Ростислав Мстислав Изяславич, напротив, всячески отстаивал Климента и говорил: «Не останется Константин на митрополии, потому что он клял моего отца». Распря между князьями была сильная и продолжительная; ни тот, ни другой не хотели уступить; наконец порешили, чтобы устранить от кафедры обоих прежних митрополитов, Климента и Константина, и просить из Царьграда нового первосвященителя для России. Между тем Константин еще при самом занятии Киева Мстиславом Изяславичем, зная его нелюбовь к себе, удалился в Чернигов к тамошнему епископу Антонию, родом греку, и вскоре (в 1159 г.) скончался. Пред кончиною он призвал Черниговского епископа и взял с него клятву исполнить следующее завещание: «По смерти моей не погребай моего тела, а, привязавши к ногам веревку, извлеките меня из города и повергните псам на съедение». Епископ, действительно, исполнил это необычайное завещание, поразившее всех. Но на другой день черниговский князь Святослав, подумав с своими мужами и с епископом, взял тело скончавшегося первосвященителя и похоронил в Спасском соборе [*22]. Позднейшие летописи рассказывают, несогласно с древнею, будто тело митрополита лежало в поле не один, а три или четыре дня, будто князь черниговский посылал к киевскому за советом, как поступить, и прибавляют, что в продолжение этих трех или четырех дней, когда в Чернигове

стояли светлые дни, в Киеве и других местах была страшная буря, солнце помрачилось, земля тряслась, от грома и молнии люди падали на землю и семь человек лишились жизни; что Мстислав Изяславич, находившийся тогда в Киеве, пораженный ужасом, начал каяться в своем несправедливом озлоблении против митрополита покойного, а великий князь Ростислав повелел совершать всенощные бдения во всех церквях и молить Бога о помиловании [*23].

Новый митрополит, за которым посылал Ростислав к патриарху, по имени Феодор, прибыл в Киев в августе 1161 г., но управлял Церковью очень недолго и скончался в 1163 г. [*24] Тогда Ростислав пожелал вызвать на митрополитский престол отвергнутого им Климента и, чтобы придать делу вид законности, послал просить для Климента благословения у патриарха. Между тем в Константинополе, едва услышали стороною о смерти Феодора, поспешили не только рукоположить, но и отправить в Россию нового митрополита, Иоанна IV, вероятно опасаясь, чтобы в Киеве не повторилось того же, что было при Изяславе. Посол наш, шедший в Царьград, встретил Иоанна в Олеше и принужден был воротиться, не исполнив поручения. Ростислав крайне огорчился. Но, как бы предчувствуя это, из Константинополя прислали вместе с митрополитом царского посла с богатыми дарами, который именем царя умолял нашего князя принять благословение от святой Софии константинопольской, т. е. принять посланного оттуда митрополита. Ростислав отвечал: «В настоящий раз ради чести и любви царской приму, но если вперед без нашего ведома и соизволения патриарх поставит на Русь митрополита, то не только не примем его, а постановим за неизменное правило избирать и ставить митрополита епископам русским, с повеления великого князя» [*25]. Так кончились (в 1164 г.) долговременные смуты в русской митрополии, начавшиеся избранием и возведением на митрополитский престол Климента Смоленянина. Право поставлять и присылать в Россию митрополитов осталось за Константинопольским патриархом. Русский великий князь требовал, чтобы, по крайней мере, избрание митрополитов делалось не без его ведома и согласия, но не видно из древних летописей, было ли исполняемо и это требование. Какая была дальнейшая судьба митрополита Климента, испытывавшего так много превратностей в жизни, где и когда он скончался, история молчит. Совестьник его Иоанн IV скончался в 1166 г. (мая 12-го), а вскоре после него скончался и великий князь Ростислав [*26].

Из последующих наших митрополитов, по достоверным летописям, известны: 1) Константин II прибыл из Греции в 1167 г. и упоминается в 1172 г. [*27]; 2) Никифор II упоминается с 1182 по 1197 г. [*28]; 3) Матфей упоминается в 1201 и 1209 гг., скончался в 1220 г., августа 26-го [*29]; 4) Кирилл I грек поставлен в 1224 г., был «учителем зело и хитр ученью Божественных книг», скончался в 1233 г. [*30]; 5) Иосиф грек пришел в Киев из Никеи в 1237 г. [*31] Достойно замечания разноречие двух древних летописей о митрополите Кирилле. Лаврентьевская говорит: «Поставлен бысть митрополитом в св. Софье, Кыеве, блаженный Кирилл гръчин месяца генваря в 6, в праздник Богоявления». А в первой Новгородской летописи читаем: «Преставися блаженный митрополит всея Руси Киевский, именем Кюрил, родом гръчин бе, приведен бысть из Никея» [*32]. Не имея основания предпочесть свидетельство одной летописи свидетельству другой, потому что обе писаны современниками, мы думаем примирить разноречие так: митрополит Кирилл, несомненно грек, действительно приведен был в Киев из

Никеи, где тогда жили Константинопольские патриархи, изгнанные из Царьграда латинами; но тогдашний патриарх Герман II по болезни ли или другой причине, может быть, не рукоположил Кирилла, а, отправляя его в Россию, предоставил грамотою своею русским епископам рукоположить его. Если же Кирилл приведен из Никеи уже в сане митрополита, в таком случае слова «поставлен бысть митрополитом в св. Софье киевской 6 января» не значат ли только, что он в этот день настолован, т.е. возведен на митрополитский престол в Киево-Софийском соборе, или в первый раз служил в нем как митрополит?

В то самое время, когда смуты из-за поставления Киевских митрополитов приходили уже к концу, великий князь владимирский Андрей Боголюбский решился было на предприятие, которое могло повести к новым подобным смутам. Желая сделать свой любимый город Владимир на Клязьме первопрестольным городом земли Русской и возвысить его над всеми другими городами, расширив и украсив его разными зданиями, в особенности церквями и монастырями, князь Андрей хотел возвысить его и в церковном отношении, возвесть на степень митрополии. С этою целью по совету с боярами своими он отправил (ок. 1162 г.) посла Якова Станиславича к Константинопольскому патриарху Луке Хрисовергу, прося его отделить Владимир от Ростовской епархии, учредить в нем кафедру особой митрополии и поставить митрополитом какого-то Феодора, находившегося во Владимире. Вместе с тем писал о епископе своем Ростовском Несторе, которого он изгнал из епархии за разные вины и который удалился к патриарху искать суда и оправдания. Патриарх велел прочитать оба послания Боголюбского на Соборе, на котором между прочими присутствовали епископ Ростовский Нестор и посол Киевского митрополита Феодора. После соборных совещаний патриарх написал ответное послание к нашему князю, восхвалял его и благодарил за ревность по вере и благочестию, за построение церквей и монастырей, за десятину, которую определил он соборной церкви владимирской. Но отделить, продолжал патриарх, город Владимир от епархии Ростовской, установить в нем кафедру митрополии, независимой от Киевской, мы не можем, потому что Владимир издавна принадлежит к области и епархии Ростовской и в России с самого начала положено быть одному митрополиту Киевскому, а Божественные правила святых апостолов и святых отцов повелевают сохранять целыми и неприкосновенными пределы как епископий, так и митрополий. Очень вероятно, что на такое решение дела имели влияние посол митрополита Киевского Феодора, которому, без сомнения, не хотелось разделения русской митрополии, и Нестор, епископ Ростовский, для которого, конечно, горько было бы лишиться города Владимира Клязьмского, приносившего епархиальному архиерею десятину из великокняжеских доходов. Далее патриарх писал о епископе Несторе, совершенно оправдывал его, как еще прежде он будто бы оправдан был соборно своим митрополитом Киевским, просил князя снова принять Нестора на епархию Ростовскую, а оклеветавшего его Феодора, лстивого и пронирыливого, удалить от себя и отослать к его епархиальному епископу, излагал постановления о посте в среду и пяток и проч. [*33] Таким образом, попытка Боголюбского, первая в своем роде, разделить Русскую Церковь на две независимые митрополии не удалась, к крайнему прискорбию князя и особенно любимца его Феодора, домогавшегося митрополитского сана.

Но эта неудача не осталась без горестных последствий. Через несколько лет